

Бабье пятно

Дело было осенью, в конце Петрова дни, перед самой Паской; сидел журав на болоте. В том месте жил поп, у него была попадья да дочка, только и было семьи. Попадья зналась с казаком, а попу этого не хотелось; он казака и рассчитал. Пошел нанимать другого. Идет, а навстречу мужик:

- Здравствуй, дядюшка, куда идешь?
- А куда глаза глядят.
- А нейдешь ли ко мне в казаки?
- Отчего, можно.
- Сколько возьмешь.
- Сто рублей в год довольно будет.
- Ладно, хорошо, а ты бабье пятно знаешь?
- Знаю.
- Ну так даром не надо, иди.

Мужик думат: «Нагрею же я этого попа!»

Обошел кругом и опять попу навстречу. Разговорились, мужик просит полтора ста рублей в год.

- А бабье пятно знаешь?
- Нет, не знаю.
- Ну, иди же ко мне в казаки.

Пошли с попом, пришли домой, поп поднял у попадьи подол и спрашивает:

- Это что тако?
- Не знаю, это должно быть уголовна палата.

Поп отвечает:

— Она, она и есть.

Захватил у дочки подол, поднял и спрашивает:

— А это что?

Мужик отвечает:

— Разве полицейско правленьё? Больше быть нечему.

Поп говорит:

— Оно, оно и есть.

Пришли к кобылы, поп поднял хвост и спрашивает:

— А это что?

— А это духовна концистория.

— Верно, верно, верно, оно и есть. Ну, теперь иди, работай.

Казак поработал дня три-четыре и думат: «Довольно работать, буду жить по другому».

Надо было поежжать на работу, а казаку неохота, он надел <на хуй> шапку и бегат, ищет.

— Батюшко, не видал ли шапки?

Поп говорит:

— Да ведь у тебя <на хую> вёснёт.

Казак и говорит:

— Ах он сукин сын, он прогневался, надо его на сутки в полицейское правленьё посадить.

Поп повел его к дочке, казак сутки с дочкой прожил, а поп один пахал. Вот казак на работу дня два съездил и опять не поехал; опять надел <на хуй> шапку и бегаёт, ищет.

— Батюшко, не видал ли шапки?

Поп говорит:

— Да ведь у тебя <на хую> вѣснѣт.

Казак и говорит:

— Ну, на этот раз надо на целу неделю в уголовну палату посадить.

Попу делать нечего, повел мужика к попадьѣ. Поп работат, а мужик целу неделю с попадьѣй спит. После этого мужик на пашню поехал, а попу тоже захотелось дочки попробовать. Одел шапку преспокойно на гладко дерево без сука, <на хуй>, бегат по комнате и говорит:

— Казане, не видал ли шляпы?

— А у тебя <на хую> вѣснѣт.

Поп говорит:

— Ах, сукин сын, его надо в полицейско правленьѣ на сутки садить.

Побежал было поп к дочке, а мужик остановил попа:

— Стой, батюшко, погоди, так у нас не играют: у нас духовного званья судят в духовной концистории. Захватил попа и повел к кобылы. Пробыл поп у кобылы сутки, попадьѣя его и задразнила:

— Отдал жену в люди, а сам отправилса к кобылы.

Поп казаку и замолилса:

— Казане, не знаешь ле, что сделать, хоть бы матушка меня не дразнила?

— Это можно; завтра воскресенье, будешь обедню служить. Когда зазвонят достойно, ты бежи к летнему окошечку, увидишь, что я буду делать.

Назавтра поп ушел к обедни, а казак лежит на полатях и просит:

— Матушка, дай.

Она дала ему шаньгу, он говорит:

— Я не хочу.

Дала пирог.

— И этого не хочу.

— Дак чего?

— А того, чего вчера давала.

— Ну, иди в подклеть, и я приду туда.

Ушли в подклеть.

— Матушка, как вчера батюшко с кобылой обращалса, мы так попробуем.

Одел попадьё на спину седёлко, узду, в клети была кропильница стара, он ей <в жопу> затыкнул вместо хвоста. Попадья стоит в углу, а казак в другом, она и ржет как лошадь, и он ржет, друг дружке настрету и бежат. Достойно зазвонили, а поп у окошечка и слушат; и поп соржал под окошком, а казак и закричал:

— Батюшко, батюшко, посмотри, что я устроил с твоей матушкой.

— Что такое?

— Да посмотри: в седелке и в узде и кропильница <в пизде>.

Матушка с тех пор полно смеяться.

(Зап. летом 1907 г. от П. М. Кашина в Неноксе Архангельской губ. (посад на Летнем берегу Белого моря))

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова. М.: Ладомир, 1996.